



**Андрей
Аствацатуров**
Люди в голом

Андрей Аствацатуров Люди в голом

Роман



РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Художественное оформление Андрея Бондаренко

На переплете иллюстрация Юлии Гуковой (передняя сторона)
и фото автора Екатерины Ожигановой (задняя сторона)

Аствацатуров, Андрей Алексеевич.

А91 Люди в голом : роман / Андрей Аствацатуров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 252, [4] с. — (Интеллигент Аствацатуров).

ISBN 978-5-17-116322-8

“Несмотря на гордый подзаголовок «роман», «Люди в голом» — по сути дела, сборник автобиографических виньеток, забавных историй, происходивших с автором, его соучениками, друзьями и друзьями друзей в разные годы — начиная с семидесятых и заканчивая двухтысячными. А некоторое формальное романоподобие этой конструкции придают, пожалуй, лишь сквозные персонажи, периодически всплывающие в разных новеллах книги — чаще всего при самых неожиданных и комичных обстоятельствах” (Галина Юзефович, “Саквоаж”).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116322-8

- © Аствацатуров А.А.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © Ожиганова Е.А., фото
- © ООО “Издательство АСТ”

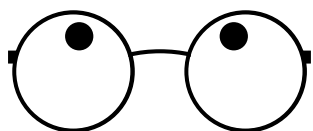
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

119

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Как-то раз я заговорил со своей девушкой о том, что люди часто влюбляются в теле- и кинозвезд. В этом нет ничего удивительного: люди не могут жить без идеалов. Но в самой любви к звездам есть, как мне кажется, навязчивая логика. Один мой знакомый в пору своей юности был влюблен в итальянскую актрису Моннику Витти. Он потом написал диссертацию о Чехове. Другой — в Мэрилин Монро. Теперь он руководит сетью торговых точек. Третий — в американскую порнозвезду. Он человек криминального склада, работает бандитом в небольшом провинциальном городе.

Я стал думать о себе и вспоминать. В закоулках памяти, наконец, обнаружил, что подобным образом был влюблен два раза. Первый раз — где-то в середине-конце семидесятых — в певицу Таисью Калинченко. Мне очень хотелось, чтобы она стала моей женой. Второй раз — в актрису Белохвостикову.

Это имело место уже в самом начале восьмидесятых, и моя влюбленность предполагала более легкомысленные отношения. Своей девушке я так и не смог объяснить, кто это такие.

Вспомнил, что Таисья Калининченко пела песню про лесного оленя, который должен был ее (Таисью) “умчать в страну оленью”.

Или, может, это Ведищева пела про лесного оленя?

Во всяком случае, Таисья Калининченко сыграла эпизодическую роль медсестры в длинном фильме “На всю оставшуюся жизнь”. И за это я ее полюбил. Полюбил больше, чем маму и дедушку, больше, чем самого себя, больше, чем Ленина.

В актрису Белохвостикову я влюбился, когда посмотрел фильм “Легенда о Тиле”.

И кто из меня получился?

А девушка вскоре после этого разговора меня бросила. Она уехала в Египет на Красное море работать аниматором.

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Мне с детства казалось, да и сейчас кажется, что я не настоящий. Что я игрушка, в которую люди почему-то неправильно играют. Но это чувство пришло не сразу. Я с самого начала не доверял миру. Но, по правде говоря, он чаще привлекал меня, чем отталкивал. А потом мой одноклассник Витя Андреев случайно описался на уроке математики.

Этот Витя мне очень нравился. Не подумайте только ничего. Он мне виделся не в томас-манновском голубоватом свете (“дай карандаш, мальчик, меня дядя

Густав зовут, а я тебе за это Венецию покажу”), а в общечеловеческом.

На групповой фотографии нашего первого класса “В” — двадцать пять круглых румяных физиономий. Карикатурные гномы из диснеевского мультлика про Белоснежку. И только у Вити лицо вдохновенного романтического героя. Грустные глаза и черные кудри. Таким, наверное, было лицо Байрона, когда он сидел за партой в Хэрроу и, забыв об уроке, сочинял свои первые стихи. Рядом на фотографии — Валентина Степановна, наша первая учительница, женщина неопределенного возраста в голубом кримпленовом платье. Она укоризненно и назидательно смотрит в фотообъектив. На правой щеке большая родинка.

Вите не повезло. Он пошел в школу, предварительно не выучившись читать. Теперь, по прошествии стольких лет, неумение читать кажется мне безусловным преимуществом, великим даром, на который способны родители, действительно, по-настоящему любящие своих детей. В книгах нечего ловить и нечего искать. Их сочиняют для того, чтобы превратить неорганизованное людское стадо в организованное.

Прочитав книги, люди глупеют окончательно, и тогда с ними можно делать все что угодно.

Витя читать не умел и потому был гораздо сообразительнее всех нас.

Но в школе так не считали. Витя числился отстающим. Ему стоило огромных усилий заучить буквы. Он уставал, пытался передохнуть. И тут выяснялось, что запоминать буквы недостаточно. Их нужно соединять в слова и правильно записывать. Другие уроки Витю отвлекали. На них нужно было заучивать массу всего сложного, малопонятного и ненужного, цифры, например, и тут же с ними что-то делать: вычитать, скла-

дывать, разбирать, какая из них больше другой. От всего этого у Вити голова шла кругом. Он ничего не успевал. Валентина Степановна сердилась и ставила Вите двойки.

“Кто не успевает, Андреев, — тот бывает неуспевающим!” — назидательно говорила она всякий раз, когда заносила ручку над его дневником.

Помню, в ноябре к нам пришла завуч младших классов Галина Павловна. Сухая старушка. Лицом она мне напоминала полярную сову. Я таких сов видел по телевизору в передаче “В мире животных”. На кончике носа у Галины Павловны настороженно поблескивали очки в тоненькой золотой оправе — подарок каких-то благодарных родителей.

Мы сталкивались с Галиной Павловной в коридоре на переменах.

Она смотрела на нас с нескрываемой ненавистью. Если кто-то пытался бегать, она истошно кричала:

— Стой на месте! — и зловеще шипела: — Др-р-рянь такая! Зла не хватает!

Так вот эта Галина Павловна пришла проверять, с какой скоростью мы читаем и сколько слов сможем прочесть за минуту. Всех выгнали за дверь, а потом вызывали в класс по одному, совали в руки книжку и заставляли читать вслух. Мы стояли в коридоре и тряслись от страха. Некоторые то и дело бегали в туалет.

Меня вызвали одним из первых.

Я сел за парту, взял книжку и стал быстро читать сбивающимся от волнения голосом.

— Не часті! — перебила меня в какой-то момент Валентина Степановна. — Читай с чувством, с толком, с расстановкой!

— Чего? — не понял я.

— Чего-чего, — передразнила она. — Не “чего”, а “что”! Читай давай! Время-то идет!

Я читал до тех пор, пока Галина Павловна не сказала “стоп”.

— Теперь надо выяснить, — повернулась она к Валентине Степановне, — понял ли он, — тут она кивнула в мою сторону, — что прочел. — Вот... — она ткнула пальцем в книгу, — что это значит?

— Что? — испугался я.

— Вслух прочти! Горе луковое! — вмешалась Валентина Степановна.

— Царская Россия, — начал читать я, — была тюрьмой народов. Царь и помещики держали народы в невежестве и покорности.

— Стоп! — скомандовала Валентина Степановна. — Как ты это понял?

Я молчал.

— Как понял, я тебя спрашиваю?! — повысила она голос.

Я в страхе покосился на массивное обручальное кольцо у нее на пальце.

— Ну, царские помещики... того... всех обижали... особенно бедных, рабочих и крестьян...

— При чем тут бедные?

Я замолчал.

— Аствацатуров! Объясни нам, что значит слово “невежество”!

Я молчал.

— Невежество — это ты! — выдохнула наконец Валентина Степановна. Прическа “тюльпан” в стиле пятидесятых, напоминавшая огромный кукиш, яростно закачалась у нее на голове. — Позор какой! Выйди и позови... кто там по списку... Настю Бату-рину.

Потом выяснилось, что я успел прочитать шестьдесят три слова.

Я забыл рассказать, что до меня такой же процедуре подвергли Витю Андреева. Бедный Витя за минуту сумел одолеть только четыре слова.

— Хулиганство! — кричала на него завуч. Нас всех уже закончили экзаменовать и запустили в класс, чтобы объявить результаты. — Лодырь! Немедленно родителей ко мне! Чтоб завтра же!

Валентина Степановна, стоя рядом с Галиной Павловой, буравила Витю взглядом, словно хотела его насквозь проткнуть.

После этого случая Витю окончательно записали в “отпетые”. Что бы Витя ни делал — его всегда ругали.

Прошел год. Витя по-прежнему отставал. Однажды на уроке математики он вдрут расплакался.

— В чем дело? — ледяным тоном спросила Валентина Степановна.

Оказалось, что Витя описался.

Об этом доверительным шепотом Валентине Степановна сообщила Оля Семичастных, отличница. Ее посадили рядом с Витей, чтобы она его “подтягивала” как отстающего.

Витя описался. Он тянул руку, чтобы попроситься выйти, тянул, тянул изо всех сил, но Валентина Степановна его не заметила.

И Витя описался.

Помню, как он стоял у доски слева от стола Валентины Степановны и плакал, растирая слезы по щекам.

А Валентина Степановна, красная от возмущения, кричала:

— И не жалоби меня! Сам виноват! Если б это произошло с хорошим учеником, я бы еще поняла

и простила! Но это сделал ты, лодырь и двоечник!
Иди с глаз моих!

Витя, рыдая, поплелся к двери.

Мы все смотрели на него с презрением и жалостью.

Когда я пришел домой, то первым делом рассказал папе, что Витя Андреев описался.

— Да? Вот как? — рассеянно ответил папа. Он читал газету, и ему явно не хотелось на меня отвлекаться. — А ваша эта, как ее, Валентина Степановна... что она?

— Очень сердилась. Сказала, что если б это произошло с хорошим учеником, то она бы его простила.

Папа вытаращил глаза. И помотал головой в недоумении.

— То есть как? Так и сказала?

— А что?.. — удивился я. — Что тут неправильного?

— Правильно, правильно, — сказал папа и как-то странно хохотнул. Я никогда прежде не слышал в его голосе таких интонаций. — Выходит так: если ты двоечник — веди себя тихо и писаться не смей! А если отличник, вроде вашего Лёши Петренко, то ссы и сри в штаны сколько душе угодно. Никто слова поперек не скажет!

Я испугался, услышав это. Мне захотелось, чтоб поскорее наступило лето и меня бы повезли на дачу в Комарово...

Одноклассники меня любили. Кажется, так. А может, и нет. Не помню. За что меня было любить? Наш класс боролся за какое-то там переходящее знамя, а я плохо учился, снижал все показатели и вдобавок был очкариком.

Меня называли “очкарик — в жопе шарик”, а Миша Старостин, когда мы в четвертом классе поссо-